

Ткачук М. А., Бурега В. В.

**Материалы к биографии
профессора Киевской духовной
академии П. П. Кудрявцева
в Архиве Московской духовной
академии: их предыстория
и источниковедческий потенциал**

В 2018 г. исполняется 150 лет со дня рождения Петра Павловича Кудрявцева (1868–1940), талантливого киевского философа и историка философии, известного литературоведа, крупного деятеля духовного образования и религиозно-церковного возрождения начала XX в. Грядущий юбилей — веский повод для активизации исследований жизни и творчества одного из наиболее выдающихся выпускников и профессоров Киевской духовной академии конца XIX — начала XX вв., необходимой тем более, что до недавних времен не только его труды, но и само имя пребывали в забвении. Достаточно сказать, что до начала 1990-х гг. упоминания об этом «идейно чуждом» советской эпохе религиозном мыслителе и философе-идеалисте, репрессированном за «антисоветские настроения и агитацию», встречались лишь в общих обзорных публикациях по «истории философии народов СССР», да и то, с эпитетами, соответствующими марксистско-ленинским установкам критики «буржуазной философии». Стоит ли удивляться, что и биография П. П. Кудрявцева, и содержание его многочисленных работ оставались неизученными вплоть до недавнего времени. И, несмотря на то, что с начала 2000-х гг. яркая и колоритная фигура киевского мыслителя привлекает всё большее число исследователей¹, из-

---

¹ Среди новейших публикаций, специально посвященных П. П. Кудрявцеву, см.: Петро Кудрявцев: з рукописної спадщини / упоряд. Л. А. Пастушенко // Наукові записки НаУКМА. Т. 35. Київська Академія. К., 2004. С. 89–95; Пастушенко Л. А. Петро Кудрявцев: віхи життя і творчості // Мультиверсум. Філософський альманах: 36. наук. праць. К., 2005. Вип. 50. С. 83–93; Еє же. Петро Кудрявцев у релігійно-філософському житті Києва початку XX століття // Київська Академія. К., 2007. Вип. 7. С. 166–179; Еє же. Історико-філософська спадщина Петра Кудрявцева: автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук: спец. 09.00.05 — історія філософії. К., 2007. 21 с.; Еє же. Петро Кудрявцев: основні напрямки творчості // Наукові записки НаУКМА. Т. 89. Філософія та релігієзнавство. К., 2009. С. 60–66; Еє же. Петро Кудрявцев — вихованець і професор Київської духовної академії // Київська Академія. К., 2010. Вип. 8. С. 50–64; Еє же. До життєпису Петра Кудрявцева: нові архівні матеріали // Там само. К., 2011. Вип. 9. С. 113–

учение его жизненного пути, многогранной деятельности и интеллектуального наследия остается весьма далеким от завершения.

Основанием для такого заключения являются как целый ряд «белых пятен», всё еще сохраняющихся в биографии и исследованиях религиозно-философских, литературоведческих и церковно-публицистических работ П. П. Кудрявцева, так и наличие многочисленных рукописных материалов (принадлежащих мыслителю или непосредственно касающихся его жизни и творчества), до сих пор не только не изученных, но и практически неизвестных даже специалистам, не говоря уже о широком круге читателей.

Речь идет, прежде всего, о хранящемся в Архиве Московской духовной академии (г. Сергиев Посад Московской области, Троице-Сергиева Лавра) значительном по объему массиве рукописей из личного собрания П. П. Кудрявцева и материалов, ценных как для исследователей его биографии и творческой деятельности, так и специалистов, изучающих различные аспекты истории и наследия КДА. С разрешения ректора Московской духовной академии и семинарии архиепископа Вереяского Евгения (Решетникова) в июне 2017 г. один из авторов настоящей статьи (В. В. Бурега) получил возможность ознакомиться с рукописями и материалами, условно говоря, «кудрявцевской коллекции» в Архиве МДА², полученными преимущественно из двух источников — от Сергея Сергеевича Афонского, сына известного киевского протоиерея и церковного педагога, выпускника КДА (1910–1914) Сергея Петровича Афонского³, а также от Екатерины Петровны Кудрявцевой, старшей дочери

124; Ее же. Кудрявцев Петро Павлович // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: енциклопедія у 2-х томах / упоряд. і наук. ред. М. А. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А — К. К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2015. С. 729–735; Ткачук М. А., Пастушенко Л. А. До життєпису Петра Кудрявцева: із матеріалів слідчої справи 1938–1939 років // Магістеріум. Вип. 47. Історико-філософські студії. К., 2012. С. 68–100; «Мы приобрели бы ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской Академии...» (Письма Петра Павловича Кудрявцева к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1924–1929 гг.) / вступ. статья, публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. Вып. 2 (8). С. 377–423; Козловський В. П. Петро Кудрявцев як дослідник кантівської філософії // Біографічний підхід у вивченні історії та спадщини Київської духовної академії (1819–1924): зб. наук. пр. / упоряд. і відп. ред. М. А. Ткачук. К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2016. С. 144–152.

² Следует отметить, что указанная часть Архива МДА с 2011 г. хранится в академической библиотеке как отдельное собрание. При передаче этой части Архива в библиотеку была составлена опись передаваемых материалов, в которой соответствующим архивным папкам присвоены новые номера. При отсылке к документам из Архива МДА мы указываем именно эти номера папок. Кроме того, в связи с тем, что листы, хранящиеся в папках Архива, как правило, не имеют единой нумерации либо вообще не нумерованы, мы ограничиваемся, преимущественно, лишь указанием на номера папок. Данные нами в необходимых случаях заголовки документов и их характеристики указаны в квадратных скобках.

³ Протоиерей Сергей Афонский (1889–1963) был одним из возрожденцев Киевской духовной семинарии советских времен (1947–1960), ее ректором (1947–1949) и преподавателем (1947–1958). Подробнее о нем см.: Ткачук М. А. Афонський Сергій Петрович // Київська ду-

Петра Павловича Кудрявцева. Предметом рассмотрения в этой статье станут рукописные и машинописные материалы, переданные в Архив МДА Е. П. Кудрявцевой, как представляющие особый интерес не только для биографов ее отца, но и всех, кто изучает историю Киевской духовной академии конца XIX — начала XX в.

Однако начнем мы, прежде всего, с личности самой дарительницы — Екатерины Петровны Кудрявцевой, человека удивительной и нелегкой судьбы⁴, сумевшей внести весомый вклад в сохранение наследия КДА в советские годы и его возрождение в актуальной памяти отечественной культуры.

В семье Петра Павловича и Анны Елисеевны Кудрявцевых дочь Екатерина была первенцем: она родилась 23 июня 1897 г. в с. Алексеевском на Ситовой Мече Чернского уезда Тульской губернии (ныне — сельское поселение Алексеевское Тепло-Огарёвского района Тульской области России), в том самом доме, где родился ее отец и прошла жизнь нескольких поколений ее предков-священников⁵.

Катя Кудрявцева появилась на свет спустя две недели после избрания отца на должность и. о. доцента кафедры истории философии Киевской духовной академии, поэтому большая часть ее детских и юношеских лет прошла на киевском Подоле, по соседству с семьями многих известных духовно-академических профессоров (Афанасия Булгакова, Владимира Рыбинского, Владимира Завитневича, Николая Петрова, протоиерея Александра Глаголева, Михаила Скабаллановича и др.) и киевских пастырей (протоиереев Евгения Капралова, Арсения Дашкиева и др.). Вместе с младшими братьями и сестрой она часто проводила время с их детьми — на прогулках и совместном отдыхе, уроках танцев, экскурсиях, Рождественских елках или катке. В этом общении зародились особенно тесные дружеские отношения Екатерины Петровны с Ната-

---

ховна академія в іменах: 1819–1924: енциклопедія у 2-х томах / упоряд. і наук. ред. М. А. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А — К. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2015. С. 193–195.

⁴ Биографическая канва жизни Е. П. Кудрявцевой реконструирована на основании таких архивных документов: Формулярный список экстраординарного профессора Киевской духовной академии, статского советника Петра Павловича Кудрявцева за 1907 г. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (ЦГИАУК). Ф. 711. Оп. 1, Д. 10928. 5 л.; [Следственное дело Кудрявцевой Екатерины Петровны]: в 4-х томах Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 263. Оп. 1, Д. 18443фп. Т. 1. 82+III л.; Т. 2. 60+II л.; Т. 3. 40 л.; Т. 4. 7 л.; [Кудрявцева Е. П.]. Воспоминания о моем отце. [Машинопись]. Архив МДА. Папка 154; Из воспоминаний Екатерины Петровны Кудрявцевой (запись беседы, происходившей в мае 1992 г.). [Машинопись]. Музей одной улицы (г. Киев). [Без шифра]. 4 л.

⁵ По мнению П. П. Кудрявцева, и внешне, и, в особенности, «по обаятельной манере обращения с окружающими», старшая дочь Катя была похожа на его отца, настоятеля местной Алексиевской церкви священника Павла Андреевича Кудрявцева (см.: Кудрявцев П. П. Мемуары. [Автограф]. Архив МДА. Папка 89. Тетрадь 11. С. 10–11).

лией Рыбинской, дочь профессора-библеиста Владимира Петровича Рыбинского, сохранившиеся на всю последующую жизнь. С детских лет узы дружбы связали ее и с Еленой Аггеевой (в замужестве Кисиль), дочерью земляка и близкого друга Петра Павловича протоиерея Константина Марковича Аггеева⁶: его семья ежегодно приезжала к Кудрявцевым из Санкт-Петербурга. Несмотря на непритязательный быт, материальные трудности (Кудрявцевы, как и большинство семей преподавателей духовных учебных заведений, жили очень скромно, кочуя по съемным квартирам), революционные и военные потрясения, детство и юность Екатерины Петровны, проведенные в кругу родных, духовно близких и любящих людей, в обществе незаурядных коллег и друзей отца, часто бывавших в их доме, оставили в ее душе неизгладимый след.

В дореволюционные годы Екатерина Кудрявцева (как и ее младшая сестра Бландина) окончила курс одного из лучших средних учебных заведений Киева — женской гимназии при Евангелическо-Лютеранской церкви, славившейся своими методиками, высоким качеством обучения и выдающимися преподавателями, часто приглашаемыми из Университета св. Владимира и Киевской духовной академии (достаточно упомянуть среди них будущих украинских академиков А. М. Лободу, Н. К. Гудзия, Г. Пфейффера, профессора прот. Н. С. Гроссу; в 1918–1919 гг. в этой же гимназии преподавал и П. П. Кудрявцев, сменивший Н. К. Гудзия в качестве учителя русского языка). Неслучайно именно эта гимназия пользовалась популярностью в кругу киевских преподавателей, охотно отдававших туда своих дочерей⁷.

Одной из «визитных карточек» Киевской женской гимназии при Евангелическо-Лютеранской церкви был уклон в иностранные языки — прежде всего, немецкий, на котором преподавались и некоторые предметы. Возможно, это обстоятельство и определило любовь и призвание Е. П. Кудрявцевой к немецкому языку и литературе, однако в условиях революционных потрясений и гражданской войны, принесших нищету и голод, а в особенности, последующей «большевизации», «пролетаризации» и «советизации» образования, сделавших своеобразным пропуском на пути к знаниям рабоче-крестьянское происхождение, помышлять о дальнейшей учебе дочери близкого к церковным кругам бывшего профессора духовной академии из семьи потомственных священников не приходилось. «Анкетные» препятствия к получению высшего образования исчезли лишь с началом непосредственной работы П. П. Кудрявцева во Всеукраинской академии наук (с 1924 г.) и вступ-

⁶ Протоиерей К. М. Аггеев (1868–1921), выпускник Киевской духовной академии (1889–1893) — известный в России начала XX в. церковный деятель и религиозный мыслитель.

⁷ Именно в гимназии при Евангелическо-Лютеранской церкви учились, например, все дочери профессора КДА Афанасия Ивановича Булгакова — Вера, Варвара, Надежда и Елена (сестры писателя и драматурга Михаила Булгакова).

лением в секцию научных работников, обеспечившим его детям статус «трудовой интеллигенции». Тем не менее, студенткой романо-германского отделения Киевского института народного образования (КИНО) Е. П. Кудрявцева стала только в 1928 г., на 32-м году жизни, долгое время перед тем довольствуясь скромными должностями машинистки и конторщицы. В 1930 г. романо-германское отделение КИНО было реформировано в Украинский институт лингвистического образования: его выпускницей Екатерина Петровна стала в 1932 г.

После окончания института Е. П. Кудрявцева занялась преподаванием немецкого языка: в 1932–1934 гг. работала в Киевском электромеханическом техникуме; в 1934 г. перешла на учительскую должность в среднюю школу № 19. Однако ее преподавательская деятельность оказалась недолгой: 12 июня 1937 г. Екатерина Кудрявцева была арестована сотрудниками IV отдела Управления государственной безопасности (УГБ) НКВД УССР, инкриминировавших ей активное участие в контрреволюционной эсеро-меньшевистской организации «Всеукраинский избирательный центр», якобы готовившей срыв выборов в Верховный Совет СССР, намеченных на декабрь того же года. Одновременно с Екатериной Петровной был арестован ее муж — Борис Александрович Фурманов⁸.

Спустя десятилетия, совершенно очевидно, что инспирированное репрессивными органами групповое дело «Всеукраинского избирательного центра», искалечившее судьбы 17 арестованных людей и их близких, было одним из многочисленных «винтиков» раскручиваемого в СССР летом 1937 г. маховика Большого террора, подпитывавшегося новыми и новыми разоблачениями и ликвидациями вымышленных в структурах НКВД «контрреволюционных», «диверсионных», «вредительских», «шпионских», «троцкистских» и иных «организаций», «блоков» и «центров». В частности, по сценарию сотрудников УГБ и их агентов, задачей мнимого «Всеукраинского избирательного центра» должно было стать избрание в Верховный Совет «своих людей» из бывших меньшевиков, эсеров и других «антисоветских партий», готовых вступить в открытую (в том числе, террористическую) борьбу с советской властью. При этом на членов этой мифической организации возлагалась роль активных участников «кампаний» в поддержку намеченных кандидатов в прессе, подготовка их предвыборных выступлений и соответствующая агитация избирателей.

⁸ Сведений о Б. А. Фурманове крайне мало. Из материалов следственного дела Е. П. Кудрявцевой известно, что он родился в местечке Дымер Киевской губернии (сейчас — поселок городского типа в Вышгородском районе Киевской области) в 1895 г. Имел неоконченное высшее образование. В революционные годы был членом партии социалистов-революционеров (эсеров), куда вступил в 1917 г. На момент ареста работал бухгалтером в редакции газеты «Красная армия» (см.: ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 18443фп. Т. 1. Л. 6 об., 32, 58).

Одним из ключевых фигурантов дела сценаристы из УГБ НКВД избрали известную украинскую писательницу Зинаиду Павловну Тулуб (1890–1964). Ее знакомой Екатерине Кудрявцевой⁹ была уготована роль создателя почвы для ее ареста и обвинения. По замыслу следствия, Е. П. Кудрявцеву следовало арестовать заранее и заставить ее «чисто-сердечно» признаться не только в участии в «организации», но и в том, что ее «вербовщицей» была именно Тулуб. На основании полученных показаний надлежало арестовать З. П. Тулуб и вынудить ее их подтвердить.

Воплощением указанного замысла занимался лейтенант госбезопасности с красноречивой фамилией Хват¹⁰, при первом же допросе объявлявший подследственным, что надеяться на оправдание не стоит, так как «теперь арестовывают тогда, когда улики собраны и виновность человека доказана, а следствие является только формальностью для определения размера наказания»¹¹. Практикуя перманентные допросы, длившиеся сутками напролет и сопровождавшиеся лишением арестованных сна и пищи, издевательствами, угрозами (в том числе и в адрес близких им людей), и доводя, тем самым, подследственных до состояния полного психического и физического изнеможения¹², этот следователь умел добиваться нужных результатов в установленные начальством сроки, причем при полном отсутствии фактов, подтверждающих обвинение. По свидетельству одной из заключенных Лукьяновской тюрьмы (художницы Ольги Деконской, расстрелянной в 1937 г.), после круглосуточных допросов лейтенанта Хвата¹³ Екатерина Кудрявцева возвращалась в камеру в состоянии, близком к невменяемому¹⁴. Теми же методами до состояния галлюцинаций и навязчивых мыслей о самоубийстве была доведена и арестованная тремя неделями позже Е. П. Кудрявцевой (4 июля 1937 г.) и З. П. Тулуб¹⁵. Ко времени ее ареста измученная допросами Екатерина Петровна, ранее и не подозревавшая о существовании «Всеукраинского избирательного центра», уже подписала нужные так называемому следствию признательные показания о том, что была завербована

⁹ З. Тулуб и Е. Кудрявцева познакомились в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в доме отдыха.

¹⁰ Имеется в виду Борис Вениаминович Хват (1905–1944), сотрудник УГБ НКВД по Одесской области, в 1937 г. прикомандированный к IV отделу УГБ НКВД УССР.

¹¹ [Заявление З. П. Тулуб председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову от 30 июля 1954 г.] / публ. В. Василенко // 3 архівів ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2–4. С. 13.

¹² См.: там же. С. 13–14.

¹³ Позднее, в заявлении на имя главного военного прокурора СССР от 5 ноября 1954 г., Е. И. Кудрявцева сдержанно, но емко охарактеризовала их, как допросы «с пристрастием» (см.: ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 18443фп. Т. 1. Л. 64 об.).

¹⁴ См.: ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 18443фп. Т. 1. Л. 62.

¹⁵ См.: [Заявление З. П. Тулуб председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову от 30 июля 1954 г.] / публ. В. Василенко // 3 архівів ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2–4. С. 13.

в эту организацию именно Зинаидой Тулуб, а также о том, что привлекла к работе в ней своего мужа Бориса Фурманова и соседку Устинью Тутковскую¹⁶. Оказавшись под «прессом» лейтенанта Хвата и ознакомившись с «показаниями» Е. П. Кудрявцевой, сломленная непрерывными издевательствами З. П. Тулуб, несмотря на свою непричастность к каким-либо «центрам», уже 11 июля 1937 г., «чистосердечно» поведала следствию о том, как она ее «вербовала» и советовала «развернуть работу по вовлечению в организацию» коллег-педагогов, а также о планах своей знакомой привлечь к работе центра представителей духовенства, имеющих влияние на прихожан¹⁷.

Несмотря на то, что во время очной ставки с мужем (31 августа 1937 г.) и закрытого заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР (5 сентября 1937 г.) Е. П. Кудрявцева отказалась от своих признательных показаний, полностью отрицала свою вину и правильность изобличающих ее показаний арестованных по тому же делу (в частности, З. П. Тулуб и Б. А. Фурманова), заявив о том, что в процессе следствия, от страха и растерянности, «сама себя оговорила»¹⁸, остановить карательный маховик было невозможно. Как и З. П. Тулуб, признавшую себя виновной, ее приговорили к 10 годам тюремного заключения с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией всего личного имущества¹⁹. Муж Екатерины Петровны Борис Фурманов в тот же день был приговорен к расстрелу.

После судебного заседания, продлившегося всего 20 минут, но определившего всю дальнейшую судьбу Е. П. Кудрявцевой, осужденной по статьям 54–8 (терроризм) и 54–11 (участие в контрреволюционной организации) УК УССР и заклеянной как «враг народа», она была этапирована в Ярославскую тюрьму, где провела два с половиной года. Оставшийся срок Екатерина Петровна отбывала в Краслаге (Красноярском исправительно-трудовом лагере) на станции Решоты Красноярского края (на территории нынешнего Нижнеингашского района). Находясь в лагере, около четырех лет проработала на лесозаготовках; затем работала машинисткой в конторе и статистиком в лагерной больнице²⁰.

Освободившись из Краслага 12 июня 1947 г., Е. П. Кудрявцева, в соответствии с предписанием, должна была поселиться в г. Василькове Киевской области, однако, не найдя там работы и стремясь к родным, фактически проживала в Киеве (несмотря на запрет). В конце июля 1947 г. она устроилась чернорабочей на Корчеватский кирпичный за-

¹⁶ См.: протокол допроса Е. П. Кудрявцевой от 1 июля 1937 г.: ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 18443фп. Т. 1. Л. 11–14.

¹⁷ См.: протокол допроса З. П. Тулуб от 11 июля 1937 г.: там же. Л. 27–31.

¹⁸ См.: ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 18443фп. Т. 1. Л. 39–41, 47–47 об.

¹⁹ См.: там же. Л. 49–50.

²⁰ См.: там же. Т. 2. Л. 12, 13, 18.

вод, поселившись в заводском общежитии в поселке Мышеловка на южной окраине Киева (сейчас — местность в Голосеевском районе столицы); затем недолгое время работала машинисткой в заводууправлении. Уволившись в ноябре 1947 г., в декабре Екатерина Петровна поступила на Киевские курсы иностранных языков, в надежде получить новый документ об образовании и устроиться на работу по специальности в одном из провинциальных городов (с того времени жила на Подоле, снимая угол, чтобы быть поближе к матери — П. П. Кудрявцев умер в 1940 г., так и не дождавшись возвращения дочери)²¹. С 1948 г. периодически подрабатывала уроками иностранных языков в средних учебных заведениях (в частности, в Киевском артиллерийском подготовительном училище); постоянной работы не имела.

Однако в 1949 г. Екатерину Петровну ожидало новое испытание, постигшее так называемых повторников — репрессированных в период Большого террора «врагов народа», подлежавших (в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку на поселение в отдалённые местности СССР» и совместной директивы Министерства государственной безопасности и Прокуратуры СССР № 66/241сс от 26 октября 1948 г.) повторному наказанию. О том, в каком состоянии ужаса и отчаяния пребывала в ожидании новых репрессий ни в чем не повинная 52-летняя женщина, только что вернувшаяся домой после 10 лет тюрем и лагерей, красноречиво свидетельствует такой факт: 19 мая 1949 г., возвратившись с занятий на курсах и узнав, что за ней приходили не заставшие ее сотрудники госбезопасности, Екатерина Петровна, жившая в Киеве фактически нелегально, уничтожила свои документы — паспорт и справку об освобождении²². И все же арест был неотвратим: в жизнь задержанной 26 мая 1949 г. Е. П. Кудрявцевой снова вернулись тюремная камера (в тюрьме № 1 Управления МВД Киевской области) и допросы²³. Однако и в этот раз «следствию» все было ясно заранее: уже к 8 июля 1949 г. было готово обвинительное заключение (с формулировками и статьями, взятыми из архивного дела 1937 г.)²⁴, а 27 августа 1949 г. Особое Совещание при Министре государственной безопасности СССР приняло решение: «Кудрявцеву Екатерину Петровну за принадлежность к антисоветской террористической организации сослать на поселение в Красноярский край»²⁵. Отправившись по этапу в ссылку, 27 октября 1949 г. Екатерина Петровна прибыла к месту своего назначения — в таежную деревню

²¹ См.: ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 18443фп. Т. 2. Л. 5, 20–21.

²² См.: там же. Л. 26.

²³ См.: там же. Л. 1–31.

²⁴ См.: ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 18443фп. Т. 2. Л. 32–34.

²⁵ См.: там же. Л. 36.

Панакачет Долгомостовского района²⁶ (ныне — посёлок Усть-Панакачет в Абанском районе, входящий в список труднодоступных и отдаленных местностей Красноярского края), где проработала в химлесхозе долгих пять лет.

Неизвестно, сколько бы еще времени длилось очередное наказание Екатерины Петровны за несовершенноное ею «преступление» (решение Особого Совещания, по обычной практике тех лет, предусматривало бессрочную ссылку), если бы не известная «оттепель» в репрессивной политике советского государства, наступившая после смерти И. В. Сталина. 1 октября 1954 г. Е. П. Кудрявцева была освобождена из ссылки²⁷, а вскоре добилась пересмотра своего «дела» и полной реабилитации. 7 мая 1955 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор 1937 г. и, соответственно, постановление о высылке 1949 г., «по вновь открывшимся обстоятельствам», прекратив дело «за отсутствием состава преступления»²⁸.

К сожалению, нам пока не удалось выяснить подробности биографии Е. П. Кудрявцевой по возвращении в Киев — а жизнь этой хрупкой женщины с «изящной душой», прошедшей тюрьмы, сибирский лагерь и таежную ссылку, была, на удивление, очень долгой (Екатерина Петровна скончалась 14 ноября 1993 г. в Киеве на 97 году жизни). Однако можем с уверенностью сказать, что значительное место в ней принадлежало сохранению для потомков имени и наследия Петра Павловича Кудрявцева, а также всего, что связано с памятью о дореволюционной Киевской духовной академии.

Это и неудивительно: ведь именно там, в далеком прошлом, в светлом и безмятежном времени детства и юности, прошедшем в окружении отца, его коллег и их семей, оставалось для Екатерины Петровны все самое главное. Именно там сосредоточивалась ее подлинная, незамутненная несправедливостью и страданиями жизнь, воспоминания о которой помогали выжить и выстоять (прежде всего, внутренне, лично) в годы испытаний. Кроме того, после смерти матери (в 1957 г.) проживавшая с ней Екатерина Петровна оказалась фактической наследницей тех «артефактов», в которых запечатлелась память об отце, Петре Павловиче Кудрявцеве, и его окружении — в частности, его личная библиотека и хранившиеся у него рукописи. Конечно же, к тому времени библиотека и архив П. П. Кудрявцева уже не были такими обширными, как при жизни их «собирателя»: имея на содержании недееспособного младшего сына, инвалида с детства²⁹, после смерти мужа Анна Елисеевна,

²⁶ См.: ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 18443фп. Т. 2. Л. 39 об., 41.

²⁷ См.: там же. Т. 1. Л. 81.

²⁸ См.: там же. Л. 72–74.

²⁹ Младший ребенок П. П. и А. Е. Кудрявцевых, сын Андрей, родившийся в 1908 г., страдал неизлечимым психоневрологическим недугом.

выживая в трудные и голодные годы, была вынуждена продавать книги. Постепенно раритетное книжное собрание Петра Павловича рассеялось по библиотекам, музеям и частным коллекциям³⁰. Та же участь постигла, по-видимому, и его рукописное собрание. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что в 1960-х гг. значительная его часть оставалась, все же, в семейном архиве.

В конце 1960-х гг. Екатерина Петровна начала заниматься систематизацией оставшихся у нее рукописных материалов и предпринимать целенаправленные усилия для их сохранения, предоставления доступа к ним исследователей и возможной в будущем публикации. В эту работу были вовлечены и ее ближайшие, давние подруги-единомышленницы, речь о которых уже шла выше — Елена Константиновна Кисиль и Наталия Владимировна Рыбинская.

Одним из главных побудительных мотивов для этой систематизаторской деятельности Екатерины Петровны и ее подруг была, конечно же, объединявшая их внутренняя потребность в общении с уже ушедшими, но по-прежнему самыми дорогими для них людьми, желание связать воедино сохранившиеся в памяти разрозненные жизненные события и впечатления. Однако представляется совершенно очевидным и то, что наряду с «магическим» тяготением к прошлому дочерью П. П. Кудрявцева, В. П. Рыбинского и прот. К. М. Аггеева двигало глубокое понимание незаурядности личностей их отцов, а также значимости их деятельности в сферах образования, науки, церковно-общественной жизни. Это понимание, соответственно, рождало осознанное желание рассказать о них, не скрывая правды³¹, поделиться только им одним доступными сведениями и материалами, вынести свои воспоминания и впечатления за рамки узкого семейного круга.

Разумеется, пребывая большую часть своей жизни в советских реалиях, не понаслышке зная всю подноготную советской власти³² и только что пережив тяжелейшие для верующих и церковных людей годы хрущев-

³⁰ Например, по свидетельству известного библиографа и библиофила Ф. Ф. Максименко, в 1945 г. он приобрел у А. Е. Кудрявцевой большое количество книг для библиотеки Киевского университета, где заведовал тогда отделом комплектации, а также ряд ценнейших изданий для частных книжных коллекций — своей собственной и профессора С. И. Маслова (крупного литературоведа и книговеда). См.: Білокінь С. І. Повсякденні турботи повоєнних книгознавців (за листуванням Федора Максименка) // Збірник пам'яті українського бібліографа Федора Максименка / упоряд.: Г. Домбровська, Л. Панів. Львів, 2008. С. 87–88.

³¹ Детям духовно-академических профессоров или священнослужителей в советские годы чаще всего приходилось скрывать (или не афишировать) свое происхождение. Е. П. Кудрявцева, в частности, писала в анкетах, что ее отец — учитель русского языка и литературы.

³² В памяти Н. В. Рыбинской, например, наверняка сохранились те безысходность, отчаяние и страх, с какими ее семья покидала в 1932 г., в разгар очередных «чисток», родной для нее Киев (в котором прошла и большая часть жизни ее отца), спасаясь «бегством» в пригород далекого и чужого Баку. Что касается Е. К. Кисиль, то она большую часть жизни оплакивала не только отца и брата, расстрелянных большевиками в Крыму в 1921 г., но и мужа — Александра Григорьевича

ской антирелигиозной кампании, Е. П. Кудрявцева и ее единомышленницы не тешили себя призрачной надеждой издать труды своих отцов или их биографические материалы, к примеру, в одном из государственных издательств, тем самым сделав их всеобщим достоянием. Их усилия по сохранению наследия КДА в советские годы осуществлялись, конечно же, *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности) и предназначались, как говорил в таких случаях В. С. Соловьев, «для понимающей публики». Неудивительно поэтому, что местом хранения имеющихся у них рукописей и подготовленных материалов они избрали не светское, а церковное учреждение — а именно, Архив Московской духовной академии. Думается, однако, что этот выбор был продиктован не только отсутствием на территории УССР духовных академий (единственным православным учебным заведением в Украине тех лет была, как известно, Одесская духовная семинария), но и поддерживаемыми личными контактами с одним из профессоров МДА — Михаилом Агафангеловичем Старокадомским (1889–1973). Выпускник Киевской духовной академии предреволюционной поры (1910–1914), М. А. Старокадомский, сохраняя самые светлые чувства к *Alma mater*, относился к П. П. Кудрявцеву, одному из любимейших студентами тех лет профессоров, с особым пиететом: по его словам, «полученное от Петра Павловича интеллектуальное наследие и его высокий моральный облик, вдохновлявший к служению одной только правде, послужил бесценным вкладом в души его питомцев, вышедших на самостоятельную жизненную дорогу»³³. Не исключаем, что при столь уважительном отношении к памяти П. П. Кудрявцева и понимании значимости его рукописного собрания М. А. Старокадомский мог не только поддержать инициативу Е. П. Кудрявцевой и ее подруг в отношении передачи имеющихся у них материалов в Архив МДА, но и выступить с подобной инициативой сам.

Как свидетельствуют документы, первым из биографических материалов, имеющих непосредственное отношение к П. П. Кудрявцеву и поступивших в Архив МДА при посредничестве М. А. Старокадомского 23 октября 1967 г., были адресованные киевскому профессору, другу и земляку письма протоиерея Константина Аггеева³⁴, автогра-

Кисля, талантливого украинского театроведа и литературоведа, приговоренного к высшей мере наказания в 1937 г.

³³ Старокадомский М. А. Воспоминания о профессоре Киевской духовной академии Петре Павловиче Кудрявцеве / публ., предисл. и прим. Л. А. Пастушенко // Київська Академія. К., 2010. Вип. 8. С. 64.

³⁴ Эти письма составляют лишь часть систематической переписки, которая велась между друзьями в 1888–1918 гг.: по словам Е. П. Кудрявцевой, письма П. П. Кудрявцева, адресованные К. М. Аггееву, оказались безвозвратно утраченными еще в годы революции и гражданской войны, когда Аггеевы вынуждены были спешно оставить свою квартиру в Петербурге. Тем не менее, среди писем о Константине, присланных в Архив МДА, выявлено и два письма П. П. Кудрявцева (автографы), датированные 1898 г. (см.: Архив МДА. Папка 2. Тетрадь 2).

фы которых (по указанию в описи — 124 единицы) были предоставлены Е. К. Кисиль³⁵ (долгое время письма о. Константина хранились в семье Кудрявцевых, однако впоследствии были отданы общей любимице «Люсе» в память о ее отце³⁶). Судя по пометкам на отдельных листках бумаги, вложенных в архивную папку 2, в которой хранятся автографы писем о. Константина Аггеева (в пяти тетрадах), в течение 1968 г. в Московской духовной академии осуществлялись их расшифровка (вероятно, при участии М. А. Старокадомского) и машинописный набор; при этом один из изготовленных машинописных экземпляров писем был отослан Е. К. Кисиль. В начале 1970-х гг. Елена Константиновна, продолжавшая заниматься изучением писем отца, подготовила к ним собственное предисловие, содержащее ценные биографические сведения о прот. К. М. Аггееве, и примечания. Эти материалы вместе с машинописной копией писем ей удалось каким-то образом передать в парижское издательство УМКА-Press, в надежде на их публикацию (за границей, однако, не состоявшуюся)³⁷. Кроме того, Е. К. Кисиль, поддерживая с Архивом МДА тесные контакты и периодически приезжая в Загорск (название Сергиева Посада в 1930–1991 гг.), передала на архивное хранение комплект материалов «к будущей работе» о профессоре протоиерее К. М. Аггееве, куда вошли, наряду с машинописным экземпляром расположенных в хронологическом порядке упомянутых выше писем, составленные нею «пояснения, предисловия и послесловия к определенному хронологическому периоду» жизни ее отца (вероятно, коррелирующие с материалами, переданными в УМКА-Press), библиографический список его основных трудов, а также машинописная копия датированных 1932 г. воспоминаний П. П. Кудрявцева об о. Константине под названием «О друге» (их автограф также долгое время хранился в семье Кудрявцевых). Следует отметить, что к тому времени в Архиве МДА уже хранились и машинописный экземпляр этих воспоминаний, присланный Е. П. Кудрявцевой еще в апреле 1971 г. вместе с двумя уникальными фотографиями (на одной, датированной 1892 г., запечатлены П. П. Куд-

³⁵ См.: Опись писем прот. Аггеева К. М. Кудрявцеву П. П. за 1888–1918 гг., переданных его дочерью Е. К. Кисиль в МДА 23 октября 1967 г. [Машинопись. Оригинал]. Архив МДА. Папка 155.

³⁶ Указанные письма могли быть отданы Е. К. Кисиль как Е. П. Кудрявцевой, так и, еще ранее, А. Е. Кудрявцевой, называвшей Елену Константиновну «своей третьей дочерью».

³⁷ Часть писем (за 1903–1906 гг.), полученных в копиях от возглавлявшего УМКА-Press в 1978–2016 гг. Н. А. Струве, была опубликована (с купюрами Е. К. Кисиль) московской исследователем Ю. В. Балакшиной в 2014 г. (см.: Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2014. С. 217–412). При этом в публикацию не вошли часть примечаний Е. К. Кисиль и предисловие, использованное публикатором при составлении биографического раздела о прот. Константине Аггееве.

рявцев и К. М. Аггеев в студенческие годы; на другой — о. Константин с дочерью Еленой в 1916 г.)³⁸, и их рукописный подлинник³⁹, вскоре после этого переданный Е. К. Кисиль, бравшей его у Екатерины Петровны для ознакомления.

Таким образом, усилиями Е. П. Кудрявцевой и Е. К. Кисиль, при содействии М. А. Старокадомского, в Архиве МДА был аккумулирован комплекс уникальных и разноплановых источников, касающийся одновременно двух крупных фигур в духовном образовании и церковно-общественной жизни начала XX в. — выпускников КДА П. П. Кудрявцева и протоиерея К. М. Аггеева. Охватывая широкий период времени, этот комплекс писем, воспоминаний, биографических и библиографических материалов содержит целый ряд ранее неизвестных фактографических сведений, а также, что особенно ценно, «живые» размышления и диалоги на различные церковные, научные, социальные и др. темы. Совершенно очевидно, что указанные источники (при соответствующем изучении и введении в научный оборот) способны существенно уточнить и дополнить современные представления как о жизни, многообразной деятельности, творчестве и плодотворном многолетнем сотрудничестве П. П. Кудрявцева и протоиерея К. М. Аггеева, так и о проблемах духовного образования и религиозно-церковного возрождения в России предреволюционной поры, о поисках путей к их разрешению, о ряде церковных и общественных деятелей тех лет, о настоящих проблемах духовенства и преподавателей духовных школ и т. д.

Среди источников, переданных в Архив МДА при непосредственном участии Е. П. Кудрявцевой, следует отметить особенно важные для историков КДА и биографов ее профессоров воспоминания Владимира Петровича Рыбинского «К истории Киевской духовной академии (курс 1887–1891 гг.)».

По свидетельству бывшего профессора КДА Виктора Федоровича Иваницкого (1881–1955), рукопись этих воспоминаний, законченная 28 июля 1936 г., в бакинский период жизни и деятельности В. П. Рыбинского, была отдана во второй половине 1930-х гг. П. П. Кудрявцеву для хранения «в надежном месте». Уже после смерти П. П. Кудрявцева его вдова передала автограф мемуаров В. П. Рыбинского в библиотеку Киевского университета, откуда он, по утверждению В. Ф. Иваницкого, попал в частные руки (тем не менее, летом 1951 г. последнему удалось получить рукопись В. П. Рыбинского во временное пользование и переписать ее «с полной точностью»).

Иные сведения озвучены упомянутым выше⁴⁰ библиофилом и библиотекведом Ф. Ф. Максименко. По его словам, в 1945 г., заведую от-

³⁸ См.: Архив МДА. Папка 87.

³⁹ См.: там же. Папка 93.

⁴⁰ См.: прим. 30.

делом комплектации библиотеки Киевского университета и покупая у А. Е. Кудрявцевой книги, он приобрел и «общую тетрадь с воспоминаниями Рыбинского». Эту тетрадь Ф. Ф. Максименко посылал В. Ф. Иваницкому, указавшему ему после ознакомления на то, что она не содержит полного текста воспоминаний и отличается от виденного им лично «экземпляра с большим продолжением». Интересно, что В. Ф. Иваницкий при этом заметил, по словам Ф. Ф. Максименко, в приобретенной им тетради нечто «такое, что не вошло в полный вариант». Любопытным является и утверждение Ф. Ф. Максименко о том, что у А. Е. Кудрявцевой полного варианта рукописи В. П. Рыбинского не было (следует, вероятно, понимать, не было изначально). Впоследствии он слышал от вдовы В. Ф. Иваницкого, что «воспоминания Рыбинского хранятся в его семье на Кавказе»⁴¹.

Очевидно, что перипетии, связанные с автографом В. П. Рыбинского, заслуживают специального исследования, не входящего здесь в наши задачи. Констатируем лишь тот факт, что со временем рукописный подлинник, состоявший из трех тетрадей, оказался разделенным. Первая тетрадь автографа В. П. Рыбинского попала в фонд известного украинского ученого С. И. Маслова, хранящийся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского⁴²; местонахождение второй и третьей тетрадью долгое время считалось неизвестным. Исходя из этого, представляется особенно важным подчеркнуть, что в полном рукописном комплекте воспоминаний В. П. Рыбинского, переданных Е. П. Кудрявцевой в Архив МДА 12 мая 1970 г. (по поручению гостившей у нее Н. В. Рыбинской и при посредничестве М. А. Старокадомского)⁴³, вторая и третья тетради оказались именно автографами В. П. Рыбинского⁴⁴, а первая тетрадь — рукописной копией, сделанной В. Ф. Иваницким⁴⁵. Вместе с указанными тетрадями в Архив МДА были

⁴¹ См.: Білокін С. І. Повсякденні турботи повоєнних книгознавців (за листуванням Федора Максименка) // Збірник пам'яті українського бібліографа Федора Максименка / упоряд.: Г. Домбровська, А. Панів. Львів, 2008. С. 88.

⁴² См.: Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского. Ф. 33. Д. 973. 73 л.

⁴³ См.: Архив МДА. Папка 284.

⁴⁴ Не исключено, что эти автографы действительно оставались в его семье, и приезд Н. В. Рыбинской из Баку в Киев в 1970 г. имел целью именно доставку рукописей отца и их передачу в Архив МДА, а ее длительное пребывание в гостях у Е. П. Кудрявцевой (до ноября того же года) было сопряжено с ожиданием присылки из Архива МДА обещанных машинописных копий, которые МДА, судя по пометке на расписке, данной заведующем Архивом А. М. Осиповичем 12 мая, обязалось сделать на протяжении лета. Как свидетельствует содержание письма Е. П. Кудрявцевой М. А. Старокадомскому от 30 октября 1970 г., к тому времени это обязательство было уже выполнено. См.: [Письмо Е. П. Кудрявцевой М. А. Старокадомскому от 30 октября 1970 г.]. [Машинопись. Оригинал]. Архив МДА. Папка 155.

⁴⁵ Есть сведения о том, что после смерти В. Ф. Иваницкого, закончившего дни в г. Каменце-Подольском Хмельницкой области, сделанная им рукописная копия воспоминаний Рыбинского была привезена в Киев дочерью профессора КДА М. Н. Скабаллановича Любовью Михайлов-

переданы также биографическая заметка о В. П. Рыбинском, составленная его дочерью Н. В. Рыбинской, адрес от студентов КДА (1909) и выдержки из составленного архиепископом Антонием (Храповицким) печально известного «Отчета по Высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года» (Почаев, 1909)⁴⁶. По просьбе Е. П. Кудрявцевой, после расшифровки рукописей и их машинописного набора, осуществленных в МДА, ей были отправлены две машинописные копии воспоминаний (для нее и для Н. В. Рыбинской), полученные в октябре 1970 г.⁴⁷ Позднее (28 августа 1971 г.) Е. П. Кудрявцева выслала в Архив МДА фотографию профессора В. П. Рыбинского с дочерью Наталией, предназначенную для хранения в одной папке с рукописями его воспоминаний⁴⁸. Вероятно, что машинописный экземпляр воспоминаний В. П. Рыбинского, попавший впоследствии в киевский Музей одной улицы, является одной из этих копий или сделан на их основе. Благодаря публикации отдельных фрагментов этих воспоминаний в 1997 г.⁴⁹, содержательные и яркие мемуары В. П. Рыбинского сегодня известны не только узкому кругу специалистов, но и более широкому кругу лиц, интересующихся историей Киевской духовной академии. Тем не менее, их издание в полном объеме и в соответствии с автографами В. П. Рыбинского является одной из актуальных задач, решение которых способно значительно упрочить источниковедческую базу исследований, посвященных истории КДА.

Одним из уникальных источников к биографии П. П. Кудрявцева, переданных Е. П. Кудрявцевой через М. А. Старокадомского в Архив МДА в 1970 г.⁵⁰, является автограф «Мемуаров» ее отца (в 11 тетрадах). Так же, как и в случае с полученными ранее автографами, предполагалось, что МДА займется расшифровкой рукописи и подготовкой машинописного варианта текста под редакцией М. А. Старокадомского. Вероятно, Е. П. Кудрявцева предполагала, что это будет сделано так же оперативно, как и с воспоминаниями В. П. Рыбинского. Однако дело затянулось. Нелучайно в ноябре 1971 г. Екатерина Петровна обратилась к заведующему архивом Авениру Матвеевичу Осиповичу с просьбой вернуть ей авто-

ной (ее мать, Елена Аполлоновна, после развода с М. Н. Скабаллановичем вышла замуж за В. Ф. Иваницкого) и отдана Е. П. Кудрявцевой.

⁴⁶ См.: Архив МДА. Папка 284.

⁴⁷ См.: [Письмо Е. П. Кудрявцевой М. А. Старокадомскому от 30 октября 1970 г.]. [Машинопись. Оригинал]. Там же. Папка 155.

⁴⁸ См.: указанное фото: там же. Папка 284.

⁴⁹ См.: Рыбинський В. До історії Київської духовної академії. Курс 1887–1891 рр. Спогади. [Фрагменти] / публ., передмова і прим. О. і Д. Шльонських // Хроніка — 2000. К., 1997. Вип. 17–18. С. 154–180.

⁵⁰ См.: [Письмо Е. П. Кудрявцевой заведующему Архивом МДА А. М. Осиповичу от 9 ноября 1971 г.]. [Автограф]. Архив МДА. Папка 155; [Письмо Е. П. Кудрявцевой заведующему Архивом МДА А. М. Осиповичу от 16 августа 1972 г.]. [Машинопись. Оригинал]. Там же.

граф «Мемуаров» в связи с некоторыми семейными обстоятельствами, обязуясь в дальнейшем самостоятельно подготовить их машинописный вариант и передать его в Архив МДА вместо рукописного подлинника⁵¹. Поскольку спустя почти год эта просьба выполнена не была, в августе 1972 г. Е. П. Кудрявцева еще раз написала А. М. Осиповичу, выражая обеспокоенность тем фактом, что «в течение двух лет с лишком архив не был в состоянии заняться перепечаткой этих материалов» и вновь прося отдать ей рукопись, но уже для временного пользования⁵². В ноябре 1972 г. Екатерине Петровне были посланы автографы первых шести тетрадей, которые были возвращены ею в Архив спустя два года (в ноябре 1974 г.). По ее поручению, в октябре 1975 г. Е. К. Кисиль доставила в Загорск их машинописный вариант. После многократных просьб в декабре 1976 г. Архив МДА отослал Е. П. Кудрявцевой 7-ю тетрадь «Мемуаров», выражая надежду на ее возвращение после перепечатки, однако эта тетрадь прислана назад так и не была. Таким образом, в Архиве МДА на сегодняшний день хранится 10 из 11 тетрадей указанного рукописного подлинника⁵³, а также машинописный вариант первых шести тетрадей⁵⁴.

Следует сказать, что по своему содержанию мемуары П. П. Кудрявцева, писанные им с перерывами на протяжении 1919–1939 гг., далеко не похожи на воспоминания выпускников и преподавателей КДА, традиционно сосредоточивавшихся на своей учебе или академической деятельности и содержащих характеристики товарищей, коллег и начальников, описание некоторых особенностей учебного процесса, внутренней жизни Академии, ее быта и т. д. Мемуары Петра Павловича содержат, главным образом, подробный рассказ о его предках и родственниках, детстве и малой родине — с. Алексеевском на Ситовой Мече. Словно предвидя недоумение некоторых читателей, П. П. Кудрявцев писал: «...те из моих добрых знакомых, которым случайно сделалось известно, что я пишу что-то вроде мемуаров, не ожидали, что я буду писать о таких лицах, как алексеевские сторожа или псаломщики. Они думали, что я в первую голову займусь воспоминаниями о своей службе и работе в Академии... И мне бы хотелось написать свои воспоминания об Академии, но эти-то тетради я стал писать, прежде всего, для себя самого, а мне-то больше всего и теплее всего вспоминается Алексеевское и алексеевские... А затем, я имел в виду своих детей. Мне хотелось рассказать об их предках и вообще о той атмосфере, в которой рос их отец. Нако-

⁵¹ См.: [Письмо Е. П. Кудрявцевой заведующему Архивом МДА А. М. Осиповичу от 9 ноября 1971 г.]. [Автограф]. Там же.

⁵² См.: [Письмо Е. П. Кудрявцевой заведующему Архивом МДА А. М. Осиповичу от 16 августа 1972 г.]. [Машинопись. Оригинал]. Там же.

⁵³ См.: Архив МДА. Папки 86, 89.

⁵⁴ См.: там же. Папки 94–98.

нец, для меня имеет значение тот мотив, который давно живет в моей душе, но для которого я не могу найти лучшего выражения, чем то, которое дал ему Георг Герман в предисловии к своему роману “Барышня Геберт”⁵⁵. И мне как-то грустно при мысли, что после моей смерти умрет и память о тех лицах, которые когда-то тоже жили на земле полною жизнью, и с жизнью которых так тесно связана моя жизнь. Ведь, “если я не расскажу этой повести, то больше некому ее рассказать”... Но это — повесть о такой жизни, которая теперь, после всемирной войны и русской революции, утратила всякую актуальность и безвозвратно отошла в прошлое. Тем нужнее сохранить воспоминание об этой жизни, не для того, чтобы бесплодно вздыхать о ней или пытаться ее воскресить снова, а для того, чтобы знать, как жили и думали, как работали и отдыхали такие же живые люди, как мы, но только в иной исторической обстановке...»⁵⁶. Стоит ли говорить, что, вполне соответствуя этому замыслу, мемуары П. П. Кудрявцева выходят за рамки узко биографического источника, приобретая черты документальной повести о жизни нескольких поколений сельского духовенства, представляющей несомненный интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Среди источников, поступивших в Архив МДА от Е. П. Кудрявцевой при посредничестве М. А. Старокадомского (в конце августа 1971 г.), особое место принадлежит «Материалам к биографии профессора Киевской духовной академии Петра Павловича Кудрявцева», включающим в себя машинописные экземпляры «Автобиографической заметки», составленной П. П. Кудрявцевым⁵⁷, текста «Воспоминания о моем отце», написанного Екатериной Петровной в начале 1970-х гг.

⁵⁵ См.: Герман Г. [Hermann G.] Барышня Геберт / Пер. с нем. И. Е. Хародчинской. Л.; М.: Петроград, 1925. 260 с.

⁵⁶ Кудрявцев П. П. Мемуары. [Автограф]. Архив МДА. Папка 89. Тетрадь 10. С. 810–812.

⁵⁷ Обстоятельства и точная дата появления этой заметки неизвестны. Начальные слова текста («Автор этих статей и заметок ...») позволяют предположить, что указанная «Автобиографическая заметка» могла предварять список трудов П. П. Кудрявцева либо служить приложением к предъявляемым по требованию какой-либо из научных структур оттискам публикаций. Сомнительным представляется рассмотрение заметки в качестве введения к сборнику «статей и заметок», как в силу ее сугубо формального характера, так и с учетом наличного в тексте хронологического ограничения: заметка содержит краткие сведения о жизненном пути П. П. Кудрявцева от его рождения до вступления в должность учителя киевской трудовой школы № 33 в 1922 г. (о публикации каких-либо сборников трудов бывшего профессора духовной академии речь в советский период, разумеется, не шла). Вряд ли уместно рассматривать указанную заметку и в качестве пресамбулы к биографии печатных трудов П. П. Кудрявцева, позднее переданной Е. П. Кудрявцевой в Архив МДА: в эту библиографию включены публикации ученого (не только «статьи и заметки», но и книги) по 1931 г. включительно, т. е. учтен весь период его работы в структурах Всеукраинской Академии наук (1924–1931), о которой в заметке ничего не сказано. Таким образом, наиболее вероятным представляется предположение о том, что «Автобиографическая заметка» П. П. Кудрявцева была написана в 1922–1924 гг., т. е. до начала его непосредственной работы в ВУАН.

а также нескольких фотографий из семейного архива Кудрявцевых⁵⁸. Спустя год, в августе 1972 г., Е. П. Кудрявцева дополнила ранее присланные «Материалы» машинописной копией библиографии работ П. П. Кудрявцева, составленной им самим 1930-х гг.⁵⁹ Вдохновленный примером Е. П. Кудрявцевой, не позднее сентября 1972 г. М. А. Старокадомский передал в Архив МДА и свои собственные «Воспоминания о профессоре Киевской духовной академии П. П. Кудрявцеве» (машинопись), написанные во время летнего пребывания в Киеве. Воспоминания Старокадомского стали еще одной составной частью «Материалов к биографии П. П. Кудрявцева», хранящихся в Архиве МДА. Опасаясь, что некоторые переданные ею материалы были утеряны⁶⁰, в 1977 г. Е. П. Кудрявцева повторно прислала в Архив МДА машинописные копии указанных выше «Материалов», включая воспоминания М. А. Старокадомского⁶¹.

В Архиве МДА сохранились не только «Материалы» к биографии П. П. Кудрявцева, но и некоторые отклики на них, свидетельствующие о несомненной значимости усилий Е. П. Кудрявцевой по сохранению памяти о ее отце. В частности, заведующий Архивом Авенир Матвеевич Осипович, ознакомившись с воспоминаниями Екатерины Петровны сразу же по их получении, 23 сентября 1971 г. обратился к ней с теплым письмом, в котором отмечал: «Я с большим удовольствием прочитал Ваши воспоминания и хочу сказать, что написаны они сочным, интересным языком, читаются легко и с захватывающим интересом. Не преувеличивая скажу, что они послужат ценным материалом для каждого исследователя жизни и научной деятельности Вашего отца — профессора Петра Павловича Кудрявцева»⁶².

Обращает на себя внимание и высокая оценка не только воспоминаний Екатерины Петровны, но и развернутой ею деятельности в целом, данная протоиереем Александром Менем в письме к Елене Константиновне Кисиль от 22 декабря 1974 г. (его копия также сохранилась в Архиве МДА): «Надо сказать, что и Вы, и она (Екатерина Петровна. — *Авт.*) представляетесь мне людьми, которые взяли на себя благородную и нужную задачу: сохранить для наших смутных поколений светлые образы тех, кто — и так, в сущности, еще недавно — несли свое служение

⁵⁸ См.: указанные материалы: Архив МДА. Папка 88.

⁵⁹ См.: [Письмо Е. П. Кудрявцевой заведующему Архивом МДА А. М. Осиповичу от 16 августа 1972 г.]. [Машинопись. Оригинал]. Архив МДА. Папка 155.

⁶⁰ Эти опасения были связаны с тем, что Архив МДА в 1975 г. был перенесен в новое помещение. См.: подробнее: [Письмо заведующей Архивом МДА А. С. Говядиной Е. К. Кисиль от 18 февраля 1976 г.]. [Копия. Машинопись]. Там же.

⁶¹ См.: [Письмо Е. П. Кудрявцевой заведующей Архивом МДА А. С. Говядиной от 11 декабря 1977 г.]. [Автограф]. Там же.

⁶² [Письмо заведующего Архивом МДА А. М. Осиповича Е. П. Кудрявцевой от 23 сентября 1971 г.]. [Копия. Машинопись]. Там же. Папка 154.

и подвиг ради духовного возрождения народа. Никакие отвлеченные статьи не могут заменить живого личного свидетельства (к ним принадлежит и яркое, теплое, что написано М[ихаилом] А[гафангеловичем] С[тарокадомским]). Как я рад, что все это не пропадает. Я, кажется, говорил Вам, что историк М. О. Гершензон (исследователь русской мысли XIX в.) закончил книгу об одном интересном человеке 40-х годов словами: «им уже земная слава не нужна, но они нужны для нас»⁶³. Эти слова можно было бы поставить как эпиграф к материалам о двух друзьях: о К[онстантине] и П[етре] П[авловиче].

Записки Е[катерины] П[етровны] мне очень понравились своею свежестью, искренностью, обстоятельностью. Облик ее отца дан там как живой, а это уже признак литературного дара. Не всякий это сумеет. Он предстает перед читателем как человек просветленный, чистый и самоотверженный. А в такие годы оставаться человеком было нелегко. Есть героизм заметный, а чаще — бывает незаметный. Всякий подлинный человек и христианин, если он выполняет свой долг, и есть герой. У таких людей нам нужно учиться. Я надеюсь, что эти материалы не останутся под спудом, но станут достоянием всех, кто хочет «продолжать дело отцов». Передайте Е[катерине] П[етровне] большую благодарность за прекрасную книгу, которая доставила радость и удовлетворение не только мне»⁶⁴.

В папке с биографическими материалами П. П. Кудрявцева сохранилась и копия проникновенного письма одного из друзей семьи Кудрявцевых (без даты), имя которого установить, к сожалению, не удалось⁶⁵. Обращаясь к Екатерине Петровне, он сообщал: «Пишу тебе, находясь под свежим впечатлением от прочитанного, когда охватившее меня волнение еще не улеглось. Я побывал в милом, старом, почти уже забытом мире, увы, навсегда и безвозвратно от нас ушедшем, среди людей, живших напряженной интеллектуальной жизнью, в поисках своей правды, своего добра, бескомпромиссных, никому не угождающих, не кривящих душой, послушных только влечению собственного сердца, собственной совести, собственного разума, сохранявших свои суждения, свое поведение совершенно неизменным в кругу своей семьи, в любом обществе, перед любой аудиторией, подлинных людей чистой совести и доброй воли. Я побывал в вашей семье, которую я люблю, я приобщился

⁶³ Ср.: «Ему земная слава теперь не нужна, но нам нужна память о нем» (Гершензон М. О. Жизнь В. С. Печерина. М.: Типолит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1910. С. 226).

⁶⁴ [Письмо прот. А. Меня Е. К. Кисиль от 22 декабря 1974 г.]. [Копия. Машинопись]. Архив МДА. Папка 154.

⁶⁵ В конце текста содержится такое примечание Е. П. Кудрявцевой: «Письмо это получено от друга нашей семьи, кандидата математических наук, преподавателя теоретической механики в одном из высших учебных заведений Ленинграда» ([Письмо друга семьи Кудрявцевых Е. П. Кудрявцевой. Без даты]. [Копия. Машинопись]. Архив МДА. Папка 154).

к ней на разных этапах ее жизни, я, как живых, видел в своем воображении Анну Елисеевну, Петра Павловича, тебя, Сережу⁶⁶, Дину⁶⁷, Андриюшу⁶⁸ детьми, подростками, взрослыми, в самых разнообразных ситуациях, на фоне самых разнообразных пейзажей (кстати сказать, мастерски, в теплых и ярких красках описанных тобой), я почти физически ощущал тепло, нежность, взаимную любовь, взаимную заинтересованность, которые царили в вашей семье. Что касается литературных достоинств твоего труда, то... при чтении у меня часто подступали слезы к горлу. А такое действие достигается только искусством»⁶⁹.

Следует сказать, что не помышляя, по понятным причинам, о публикации своих воспоминаний, Е. П. Кудрявцева с 1970-х гг. щедро делилась ими с исследователями — в частности, с булгаковедами, придающими большое значение материалам, хотя бы косвенно касающимся периода становления личности М. А. Булгакова, его детства и отрочества. Так, по свидетельству авторитетного биографа писателя Мариэтты Омаровны Чудаковой, важную роль в ее исследованиях имели присланные Екатериной Петровной Кудрявцевой еще в 1977 г. воспоминания об отце, профессоре КДА Петре Павловиче Кудрявцеве. В сопроводительном письме Екатерина Петровна замечала, что в этих воспоминаниях «нет даже упоминания о писателе или его родителях», но при этом указывала на тот весьма существенный момент, что ею охарактеризован не столько «быт профессорской среды того времени (а писатель рос как раз в семье профессора духовной академии), как — в основном — та культурная, интеллектуальная, моральная обстановка, которая и способствовала до известной степени формированию его “внутреннего” образа. Ведь Булгаков, — справедливо замечала Е. П. Кудрявцева, — не только большой художник, но и писатель редкой широты, какой-то “раскрепощенности мысли”, если можно так выразиться, а ведь все это формируется у человека — в его сознательной или подсознательной сфере — с детства»⁷⁰. С подачи Е. П. Кудрявцевой, работая над книгой «Жизнеописание Михаила Булгакова», вышедшей двумя изданиями в 1988 г., М. О. Чудакова широко использовала не только ее мемуары, касающиеся П. П. Кудрявцева, но и воспоминания о нем М. А. Старокадомского, любезно предоставленные Екатериной Петровной в 1977 г.⁷¹ Сведения и цитаты

⁶⁶ Сергей Петрович Кудрявцев, брат Е. П. Кудрявцевой.

⁶⁷ Бланина Петровна Кудрявцева, сестра Е. П. Кудрявцевой.

⁶⁸ Андрей Петрович Кудрявцев, брат Е. П. Кудрявцевой.

⁶⁹ [Письмо друга семьи Кудрявцевых Е. П. Кудрявцевой. Без даты]. [Копия. Машинопись]. Архив МДА. Папка 154.

⁷⁰ Цит. по: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 9.

⁷¹ См.: об этом: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 28–29.

из воспоминаний Е. П. Кудрявцевой и М. А. Старокадомского неоднократно встречаются в ее книге⁷².

Введению воспоминаний Е. П. Кудрявцевой и М. А. Старокадомского о П. П. Кудрявцеве в научный оборот (хотя бы на уровне цитирования и соответствующих ссылок) способствовало не только распространение их машинописных экземпляров среди отдельных исследователей (историков, киевоведов, литературоведов), но и, в особенности, размещение их в некоторых киевских архивах и музейных учреждениях — Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины⁷³, Литературно-мемориальном музее М. Булгакова и Музее одной улицы⁷⁴. Без обращения к этим воспоминаниям и сегодня не обходятся исследователи творчества М. А. Булгакова⁷⁵, а тем более творчества П. П. Кудрявцева⁷⁶.

Тем не менее, в отличие от воспоминаний М. А. Старокадомского, в последние годы опубликованных и в сокращенном⁷⁷, и в полном виде⁷⁸, большая часть биографических материалов о П. П. Кудрявцеве, собранных его дочерью, остается доступной лишь узкому кругу специалистов. Это касается и «Автобиографической записки» П. П. Кудрявцева, и воспоминаний о нем Е. П. Кудрявцевой. Публикуя впервые в «Трудах КДА» оба указанных текста и сопровождая их научными комментариями, авторы надеются, что эта публикация будет способствовать не только активизации исследований жизни и творчества крупного киевского философа и религиозного деятеля Петра Кудрявцева, но и привлечению

⁷² См.: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 29, 30, 34, 39, 41, 42.

⁷³ В 1972 г. Е. П. Кудрявцева передала в Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины воспоминания М. А. Старокадомского (Ф. 1326. Оп. 1. № 4. 10 л.).

⁷⁴ В эти музеи, открытые в 1989 и 1991 гг., Е. П. Кудрявцева передала машинописные экземпляры не только своих воспоминаний, но и «Автобиографической заметки» П. П. Кудрявцева и воспоминаний М. А. Старокадомского (хранятся без шифров), а также ряд книг и документов из семейного архива.

⁷⁵ См., например: Петровский М. С. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. К.: Дух и Литера, 2001. С. 56, 78, 358, 359.

⁷⁶ Пастушенко Л. А. Петро Кудрявцев у релігійно-філософському житті Києва початку ХХ століття // Київська Академія. К., 2007. Вип. 7. С. 167, 170, 174, 175, 178; Ткачук М. А., Пастушенко Л. А. До життєпису Петра Кудрявцева: із матеріалів слідчої справи 1938–1939 років // Магістеріум. Вип. 47. Історико-філософські студії. К., 2012. С. 74, 82, 86, 99 и др.

⁷⁷ См.: Старокадомский М. А. Воспоминания о профессоре Киевской духовной академии Петре Павловиче Кудрявцеве / публ., предис. и прим. Л. А. Пастушенко // Київська Академія. К., 2010. Вип. 8. С. 61–64. Текст воспоминаний опубликован по машинописи, хранящейся (без шифра) в Музее одной улицы, г. Киев.

⁷⁸ См.: дополнение № 1 («Воспоминание о П. П. Кудрявцеве М. А. Старокадомского») к статье: Кудрявцев Петр Павлович // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА / сост. В. И. Ульяновский. Т. 2: К — П. К., 2015. С. 156–158. Текст воспоминаний воспроизведен по машинописи, хранящейся в Ф. 1326 Центрального государственного архива-музея литературы и искусства Украины (см. прим. 73).

внимания к истории и наследию Киевской духовной академии широкой читательской аудитории.

* * *

Тексты «Автобиографической заметки» П. П. Кудрявцева и воспоминаний Е. П. Кудрявцевой публикуются по машинописному экземпляру, присланному в Архив Московской духовной академии в 1977 г. и хранящемуся в папке 154. Их сверка с аналогичным машинописным экземпляром, полученным Архивом МДА в 1971 г., показала, что экземпляр 1977 г. содержит отредактированную и местами уточненную версию текста. Кроме того, текст воспоминаний Е. П. Кудрявцевой, присланный в 1977 г., дополнен отсутствующим в машинописном экземпляре 1971 г. значительным фрагментом, посвященным профессору Павлу Васильевичу Тихомирову (1868–1937).

Следует отметить, что в машинописных экземплярах 1971 и 1977 гг., так же, как и в экземплярах, хранящихся в указанных выше киевских музеях, текст «Автобиографической заметки» П. П. Кудрявцева предваряет воспоминания Е. П. Кудрявцевой, хотя отделен от них астерисками и разграничительной припиской⁷⁹. Вводя указанные тексты в научный оборот в полном объеме, мы публикуем их отдельно, с учетом разного авторства и жанровой разнородности. В заголовках, максимально соответствующих оригинальным, уточнена авторская принадлежность.

Тексты обоих архивных документов воспроизводятся в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации, при полном сохранении их стилистических особенностей и авторского деления на разделы и абзацы. Опечатки и ошибки, не имеющие смыслового значения, исправлены без оговорок. Авторские подчеркивания выделены курсивом. Вставки расшифрованных сокращений отделены квадратными скобками.

Текстуальные пояснения даны в подстрочных примечаниях. Примечания Е. П. Кудрявцевой сохранены и обозначены астериском. Примечания публикаторов имеют цифровое обозначение.

---

⁷⁹ Ее текст указан в прим. 15 к публикуемой ниже «Автобиографической заметке Петра Павловича Кудрявцева».